

УДК 1 : 3; 001.8 : 3

DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-194-208

Социальное развитие в континууме урбанистического и сельского измерений

В. В. Самсонов

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Рассмотрены основные критерии противопоставления «сельских» и «городских» (урбанистических) территорий и сообществ с целью выявления, какие из признаков классификации территорий имеют скорее случайный, исторически преходящий характер и атрибутивно-константные свойства, сущностно связанные со спецификой экономической и социальной организации сельских территорий и сохраняющие поэтому свою актуальность в качестве маркеров сельского социального пространства.

Ключевые слова

дихотомия, континуум, сельские и урбанистические территории, социальное пространство, типологический анализ

Для цитирования

Самсонов В. В. Социальное развитие в континууме урбанистического и сельского измерений // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 194–208. DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-194-208

© В. В. Самсонов, 2019

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3

Siberian Journal of Philosophy, 2019, vol. 17, no. 3

Social Development in the Continuum of Urban and Rural Dimensions

V. V. Samsonov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

This paper discusses the main criteria for contrasting “rural” and “urban” territories and communities in order to identify which of the classification criteria of the territories are more random, historically transient, and attribute-constant properties that are essentially related to the specifics of economic and social organization of rural areas, therefore retaining their relevance as markers of rural social space.

Keywords

dichotomy, continuum, rural and urban territories, social space, typological analysis

For citation

Samsonov V. V. Social Development in the Continuum of Urban and Rural Dimensions. *Siberian Journal of Philosophy*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 194–208. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-3-194-208

В обыденном представлении сельские территории, характеризующиеся косностью и консерватизмом своих жителей, выступают противоположностью городу с точки зрения подверженности серьезным социальным и экономическим изменениям, в своей восприимчивости к ним. Поэтому уже в начале нашей эры возникает дихотомическое представление о соотношении села и города, отраженное, к примеру, в термине «paganus» («поганые») как характеристике «языческих» сельских районов Римской империи, в силу инертности к переменам слабо затронутых христианским вероучением, в отличие от христианизированных городов. Во времена становления социальной философии как науки дихотомия села и города получила закрепление в работах таких классиков социологии, как Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. Попытки теоретического переосмысления сущности сельского социального пространства содержатся

в крестьяноведческих исследованиях 1960–1980-х гг., авторы которых пытались теоретически объяснить факт перемещения революционных движений того времени в аграрную периферию стран Третьего мира (хотя до этого крестьянство долгое время считалось самой инертной в плане революционной активности социальной группой). Однако крестьяноведческие исследования, оформившиеся в антропологический субстантивизм (К. Поланьи, Дж. Скотта и др.), в итоге пришли к той же, хотя и несколько измененной селско-городской дихотомии. А именно, они утверждали, что крестьянство отличается от горожан с их модерно-капиталистической рациональностью, базирующейся на принципах индивидуализма, эгоизма, максимизации прибыли, особым типом рациональности, присущей традиционным обществам с их «более древней моральной экономикой», характеризующейся «вложенностью» экономики в общественные отношения (на принципах реципрокности, редистрибуции и дарообмена), в отличие от капиталистического общества, в котором социальное подчинено экономическому.

Таким образом, дихотомия города и деревни, урбанистических и сельских территорий – один из древнейших и наиболее устойчивых теоретических дуализмов, укорененных в нашей культуре и традиции социальных наук. Однако данная дихотомия подвергается серьезной критике со стороны исследователей, географов, социологов и экономистов, ориентированных на анализ реальных изменений сельского социума. Конкуренция значительно различающихся смысловых трактовок «сельского» свидетельствует о том, что дискурсивное конструирование этого концепта сопровождается его наполнением иногда не совсем оправданными (или даже произвольными) характеристиками и смыслами. А эмпирические исследования демонстрируют искусственность некоторых теоретических построений.

В данной работе рассматриваются основные критерии противопоставления «сельских» и «городских» (урбанистических) территорий и обществ с целью выявления, какие из признаков классификации территорий имеют скорее случайный, исторически преходящий характер, а какие – атрибутивно-константные свойства, сущностно связанные

со спецификой экономической и социальной организации сельских территорий и сохраняющие поэтому свой статус маркеров сельского социального пространства. При этом предполагается, что следует говорить скорее не о дихотомии качественно различающихся социальных миров (сельского и городского), а об иерархически организованном континууме, имеющем два полюса, на одном из которых (т. е. город, урбанистическое социальное пространство) сосредоточены властный, культурный, инновационно-экономический потенциал общества, а второй полюс (село) может быть охарактеризован как объект властно-управленческих инициатив, традиционно отстающий в культурном и технологическом развитии, в связи с чем сельские районы позиционируются как заповедник традиционной культуры и самобытности, а в их экономике преобладают технологически и культурно инерционные практики, связанные с производством продукта на основании использования и прямого присвоения природных ресурсов [Holloway, Kneafsey, 2007].

Функция обеспечения продовольствием и природными ресурсами (включая полезные ископаемые, топливо и строительные материалы) на протяжении всей истории неизменно мыслилась как основная для сельского пространства. Если города возникают в качестве центров производства, обмена, торговли и политического управления, сельская местность традиционно связана с эксплуатацией природных ресурсов. Идея сельской местности как пространства производства и эксплуатации, возможно, была единственной наиболее важной идеей в формировании сельского пространства, породившей определенные ландшафты, модели поселений, формы социальной организации, политические структуры и экономические системы. В отличие от обрабатывающей промышленности и сферы услуг, сельское хозяйство является базовым видом экономической деятельности, поскольку физическое выживание человека зависит от наличия продовольствия. При этом географически аграрное производство сильно рассредоточено из-за потребности в почвенных ресурсах и, таким образом, зависит от эффективности транспортной сети, системы перевозок грузов и товаров на расстояния. Сельская посе-

ленческая сеть также оказывается сильно рассредоточенной, а плотность населения в сельской местности неизменно ниже, чем в городской.

В наши дни представлявшийся ранее самым надежным отраслевой подход в классификации территорий как «сельских» (т. е. отнесение к данной категории сообществ с преимущественно сельскохозяйственной специализацией экономики) сегодня кажется уже недостаточным, в связи с влиянием глобальных структурных изменений, выражающихся во включении локальных микроэкономик в систему глобального рынка, и соответствующих изменений в процессах адаптации сельских домохозяйств и в диверсификации экономики села. Эти изменения увеличивают социальное и культурное разнообразие многих сельских районов, что ведет к расширению культурного и экономического ландшафта сельских территорий и одновременно к возникновению сущностно новых конфликтов в ценностях и в образе жизни сельских жителей.

Наиболее распространенной адаптационной реакцией сельских сообществ на эти изменения является новая конфигурация экономической активности и источников доходов, характеризующаяся изменением (снижением) роли аграрного производства и возрастающей значимостью экономической активности населения за пределами аграрного сектора и трансфертов, включающих как частные предприятия, связанные с миграцией и нео-отходничеством, так и государственные, связанные с конкретными системами социальной поддержки [Losch, White, 2011. P. 36]. Диверсификация экономики выражается в том, что привлекательность сельских территорий, т. е. способность привлекать ресурсы и сохранять свой человеческий потенциал, в значительной степени зависит от возможности сельских территорий создавать альтернативные источники дохода, не имеющие отношения к сельскому хозяйству. Масштабность этого явления породила многочисленную исследовательскую литературу, посвященную «сельской неаграрной экономике», включающей в себя всю деятельность неаграрного характера, т. е. несельскохозяйственный частный сектор в сельской местности (в том числе неформальный), институты государственного и муниципального управления в сельских районах и социальную инфраструктуру. Рост неаграрной эко-

номической активности и занятости населения вне села, сопровождаемый встречными процессами субурбанизации, влечет за собой кардинальное изменение сельского образа жизни и трансформацию культурного облика сельских жителей [Нефедова, 2013]. Если в развивающихся странах диверсификация экономической активности домохозяйств обусловлена недостаточными возможностями официальной занятости в аграрном секторе, переизбытком аграрного населения и низкими доходами от слабо оснащенного в техническом плане аграрного труда, то в развитых странах Европы диверсификация обусловлена ситуацией невозможности дальнейшего расширения аграрного производства (в связи с достижением в середине 1980-х гг. технологических пределов роста), причем многофункциональность сельских территорий со временем становится проявлением новых отношений между городом и деревней [Ploeg et al., 2000]. Наши исследования, осуществленные в различных регионах, убедительно свидетельствуют о возрастании значения не-аграрной занятости сельского населения. Работа за пределами села, в том числе вахтовым методом, все чаще выступает альтернативой занятости населения в сельском хозяйстве. Даже в самых удаленных поселениях все большее число предприимчивых жителей села заняты «неотходничеством». С другой стороны, экономика сельских районов становится все более диверсифицированной, поскольку сектор услуг значительно растет за счет сельского хозяйства [Самсонов, 2013].

Многие исследователи подчеркивают подчиненное положение и низкий социально-экономический статус сельского социума в качестве одного из основных конституирующих признаков сообществ такого типа. Положение это характеризуется подчинением (субординацией), выливающимся в зависимые отношения сельского социума по отношению к группе «внешних управляющих» [Wolf, 1966. P. 13], или «структурное подчинение крестьянства внешним силам» [Mintz, 1974. P. 94]. Сама по себе специализация крестьянских хозяйств на возделывании земли возможна только в контексте общественной дифференциации и формирования рынков специализированных товаров и услуг, – от материальных (продукты,

орудия производства и т. д.) до управленческих, – и обеспечения безопасности. Обмен продуктов, производимых жителями села, становится возможен вследствие появления излишков (прибавочного продукта), которые поступают на рынок, а также изымаются внешними (по отношению к крестьянству) властными структурами.

Именно так возникает тесная пространственно-экономическая связь между сельскими и урбанистическими территориями – в виде городского (урбанистического) центра и прилегающих к нему внутренних сельских территорий, сообществ. Второстепенные и третичные функции центра выполняют сельские пригородные сообщества, напрямую ориентированные на снабжение города излишками продовольствия и сырья, необходимых для производства всего спектра экономических товаров [Woods, 2010]. При этом практически в любой властной системе жители села оказываются социальной группой, либо напрямую эксплуатируемой, либо находящейся в неравноправном положении (с точки зрения экономики это выражается в неравноправном обмене, «ножницах цен»). Крестьяне немногочисленны и разобщены территориально, им сложно объединиться ради отстаивания своих интересов, поэтому жители села не могут противостоять мероприятиям по изъятию у них товарных излишков и такие практики в конце концов в той или иной форме становятся институционализированными.

Особенные отношения с властью, специфика аграрного производства (в которой основными элементами традиционно выступают крестьянское подворье (семейное хозяйство) и/или их простейшее объединение), особенности сельской поселенческой сети (малая плотность населения и жизнь в замкнутых социальных коллективах) порождают сходные формы социальной самоорганизации, для которых свойственны перенесение в сферу горизонтальных связей реципрокных образцов солидарности, характерных для малых социальных групп или кровно-родственных коллективов (в связи с чем крестьянские сообщества иногда принимают вид «большой семьи»), и определенная степень отстраненности (отчужденности) от центральных органов власти. Попытки теоретического описания сообщества такого типа приводят к появлению утопических

социально-консервативных концептов социальной организации, преобладающих на предшествующих этапах развития и якобы сохраняющихся в сельской «глубинке», не затронутой капиталистическими, модерновыми изменениями.

Традиция описания таких идеально-типических форм социальной организации заложена Ф. Тённисом, в 1887 г. опубликовавшим работу «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» (в переводе «Сообщество и общество»), в которой он противопоставлял отношения, основанные на естественной воле (*wesenwille*), формируемые в «больших» семьях или сельских поселениях (*Gemeinschaft*), тем, которые преобладают в современных капиталистических государствах (*Gesellschaft*) и основанных на рациональной воле (*kurwille*). Тённис прямо указывал, что эти два типа отношений являются идеальными конструктами и в реальности отсутствуют сообщества с полностью доминирующими отношениями *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*, выступающими в качестве стандартов, согласно которым реальность может быть опознана и описана (путем выявления преобладающих ориентаций и действий, указывающих на склонность к тому или другому типу).

Таким образом, Ф. Тённис заложил основы типологического анализа, развитие которого можно увидеть в классических трудах М. Вебера и в его учении о типах социального действия (прогрессирующих от традиционного и ценностно-рационального к рациональному), в котором можно обнаружить много сходств с идеей Тённиса о том, что мировая история направлена на рост *Gesellschaft* и о динамике развития Европы из средневековой коммунальной организации в индивидуалистическую, капиталистическую. Также некоторое сходство с идеями Ф. Тённиса можно увидеть в выдвинутом французским социальным философом и социологом Э. Дюркгеймом (1858–1917) различии между механической солидарностью (*Gemeinschaft*-подобной) и органической солидарностью (*Gesellschaft*-подобной). Дюркгейм в своей работе «Разделение труда в обществе» (1893) описал распад социальных связей, объединявших средневековую Европу на основе механической солидарности и сходства индивидов в их пред-

ставлениях о политике, экономике, вопросах семьи и религии. Изменения, ознаменованные промышленной революцией в Англии и политической революцией во Франции, привели к культурно-политической дифференциации, основанной на разделении труда, а новый (Gesellschaft-подобный) тип «органической» солидарности основан на взаимозависимости и взаимодополнимости специализаций, что позволяет независимым индивидам выполнять разные задачи и все же вносить свой вклад в общее дело, работать на систему, даже если они ничего не знают о других. Причем, как показал Дюркгейм в работе «Самоубийство» (1897), органической солидарности, объединяющей индивидов на уровне обществ-системы, недостаточно на индивидуальном уровне и на уровнях личных, групповых отношений в семье или религиозных сообществах, сплоченных эмоциональной интеграцией (Gemeinschaft-подобной), все еще необходимой в социальных структурах, основанных на органической солидарности. Такое уточнение, относящее формы солидарности, базирующиеся на различных типах социальных связей, не к различным эпохам, и не к дихотомии сельского и городского пространства, а к социальным объектам различного уровня (с преобладанием эмоциональных связей в малых коллективах и формально-рациональных в сложносоставных больших сообществах) оказывается весьма ценным и получившим подтверждение в последующих эмпирических исследованиях, – в частности, в американской традиции исследования сообществ.

Американские социологи Л. Вирт и Р. Редфилд, пытаясь создать методологию сравнительного исследования сообществ, опирающуюся на классические типологические деления, разрабатывают набор переменных, реально измеримых или фиксируемых, описывающих сельский / городской континуум, на полюсах которого находятся противоположные типы традиционной дихотомии. Луи Вирт в своей статье «Урбанизм как образ жизни» [Wirth, 1938] показывает, что городской стиль жизни может быть определен тремя характеристиками, а именно численностью и плотностью населения, а также степенью неоднородности городского населения; более высокие показатели этих переменных, выявляемые при сравнении населенных пунктов разных размеров и типов, позволяют

говорить о таких характеристиках *Gesellschaft*, как специализированное разделение труда, безличные отношения, конкуренция и эксплуатация, сопровождающиеся «формальным контролем» поведения. Он также полагал, что рост неоднородности создает более сложную систему стратификации, денежную экономику, стандартизированное поведение. Такие переменные, по мнению Вирта, объясняют различия между *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, описанные в классических европейских работах Тённиса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля. Основным компонентом *Gemeinschaft*, механической солидарности, народного общества и диффузных отношений являются общие социальные связи. Отсутствие таких связей будет характерно для *Gesellschaft*, с его органической солидарностью, урбанизмом и специфическими отношениями. Между двумя полярными типами может быть размещено любое реальное сообщество, которое затем можно сравнить с другими фактическими случаями для определения существующих уровней *Gemeinschaft* или *Gesellschaft*. А Р. Редфилд в «Народной культуре Юкатана» [Redfield, 1941] демонстрирует, что чем меньше, изолированнее и однороднее сообщество, тем более образ жизни в нем будет *Gemeinschaft*-подобный. В статье Редфилда «Народное общество» описан идеальный тип *Gemeinschaft*: изолированное однородное сообщество, базирующееся на отношениях родства, силе культурных традиций и характеризующееся сильным чувством групповой солидарности, общими средствами производства, минимальным разделением труда, основанным на дифференциации половых ролей. Такое идеальное народное сообщество оказывается экономически самодостаточным, не зависящим от более широкого окружающего общества. Важность типологического подхода заключается в использовании контрастирующих идеальных типов, существующих на противоположных полюсах континуума.

Сегодня социологи признают, что, хотя некоторые характеристики сельско-городского континуума, предложенные классическим типологическим подходом, представляются верными до сих пор, он представляет незначительную объяснительную ценность для описания изменений, вызванных урбанизацией, индустриализацией, субурбанизацией. Однако

в некоторых областях, например, в исследованиях «первичных» групповых взаимодействий, отношений родства и соседства, актуальность этого подхода признается и сейчас, а предложенные им индикаторы (например, сила родственных и дружеских связей в сообществе) могут быть полезны и для современных описаний социальных характеристик сообщества.

Как можно видеть, традиционный концепт сельского социального пространства формируется пересечением ряда разноположных признаков, характерных для сельской местности в определенный период, часть из которых уже утратила свое маркирующее значение. К таким признакам принадлежат следующие.

- Экономическая специализация (сельскохозяйственное производство, практики добычи природных ресурсов). Долгое время данный (отраслевой) маркер был одним из самых надежных оснований классификации территорий, пространств как сельских. Однако в наши дни он утратил такое значение, в связи с ростом сельской неаграрной экономики, диверсификацией экономических практик и жизненных стратегий, а также в связи с возросшим значением тенденций субурбанизации и возросшим значением рекреационного использования сельских пространств городскими жителями. Технологическое переоснащение аграрного производства и растущая, по мере интеграции локальных экономик в глобальный рынок, специализация сельскохозяйственных производств привели к тому, что большие площади сельской территории фактически стали избыточными в качестве производственных площадей. Во многих регионах вакуум был заполнен новой экономикой потребления, основанной на коммерциализации ландшафтов, практиках туризма и «активного отдыха».

- Особенности сельской поселенческой сети, выражающиеся в малой плотности населения. Этот признак сельского пространства является в современных практических исследованиях и программах развития сельских территорий одним из наиболее распространенных, и в контексте представления село-городского деления как континуума он сохранит свое значение – скорее всего до исчезновения самой потребности в данной дихотомии (так как сельские сообщества всегда будут менее населенными, по сравнению с урбанистическими центрами).

- Связанная с особенностями сельской поселенческой сети специфика социальной организации, состоящая в малочисленности (по сравнению с городом) социальных коллективов и немногочисленности субъектов социального взаимодействия. В связи с этим в сельских сообществах, как и в первичных и малых социальных группах, менее выражены формальные взаимосвязи и более распространены отношения, основанные на эмоциональных связях, соседстве и родстве. Этот характерный признак сельских сообществ подтверждается данными эмпирических исследований и сохраняет свою актуальность и поныне почти в той же степени, что и во времена возникновения типологического подхода. Однако данная характеристика происходит скорее не из сущностных, качественных различий, не из дихотомии сельского и городского социального пространства как таковой, а из разницы социальных объектов различного уровня.

- Особое (скорее подчиненное) положение сельского социального пространства во властной иерархии общества. Данный признак имел место и в политических системах, основанных на прямой эксплуатации деревни городом, выступающим центром власти, но также сохраняется и в политических системах представительной демократии – опять же в силу особенностей системы сельского расселения, немногочисленности сельских сообществ. В силу этих особенностей село остается и будет оставаться скорее объектом, чем субъектом властно-управленческих решений. Государство в первую очередь принимает активное участие в управлении сельским развитием посредством официальных классификаций сельских и городских районов, используемых впоследствии как при разработке, так и при осуществлении государственной политики по отношению к селу.

- Экономическо-организационная особенность сельской экономики, традиционными элементами которой являются микроэкономики крестьянского подворья или семейные фермы, что определяет и некоторые другие отличительные признаки традиционной организации сельского хозяйства (субстантивный характер, слитность семейных и производственных отношений и т. п.). В некотором смысле именно крестьянско-семейная организация сельской экономики отражает неразрывность

социально-конструктивного и материального характера сельского социального пространства: семейная ферма является ключевым мотивом во многих представлениях о селе и сельских жителях, но она также является отличительной материальной сущностью. Как материальное образование семейная ферма оказывает воздействие на местную сельскую экономику, сельскую среду и сельское сообщество, что в свою очередь влияет на дискурсивное воспроизводство сельских районов [Mormont, 1990]. Однако и этот принцип не безусловен, как показывает история, например, опыт социалистической реконструкции села в СССР, когда сельская экономика функционировала в виде коллективных и совместных хозяйств, а деревня, тем не менее, в значительной степени сохранила свою специфику.

- Как таковые, сельские территории часто наделяются символическим значением как символы национальной идентичности или как контрапункт современности, их можно также представить как отдаленные, отсталые, недостаточно развитые в инновационном, культурном, технологическом планах пространства, нуждающиеся в модернизации. В рамках иерархически организованного сельско-городского континуума технологическое и культурное отставание села от города является закономерным следствием того факта, что именно урбанистические центры являются двигателями инновационного развития – в силу большей плотности населения и дифференцированного характера специализации труда городских жителей, более способствующих культурному и технологическому прогрессу, по сравнению с сельской экономикой, которая всегда будет менее специализирована и в какой-то части ориентирована на самообеспечение.

Таким образом, традиционное деление социального пространства на городское и сельское, являясь отчасти плодом социального конструирования, отражает ряд перечисленных выше существенных особенностей иерархически организованного и пространственно локализованного континуума урбанистических центров – провинции – сельской «глубинки», и хотя часть традиционных представлений, маркирующих определенные пространства как «сельские», имеет исторически преходящий характер, другая их часть имеет реальный и непреходящий характер, представляя

собой атрибутивно-константные свойства, связанные с особенностями взаимодействия различных частей социального континуума и факторами, посредством которых «сельское» производится и воспроизводится.

Список литературы / References

- Нефедова Т. Г.** Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
- Nefedova T. G.** Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoi Rossii: Otvety geografa [Ten topical questions about rural Russia: Geographer's answers]. Moscow, Nauka, 2013, 456 p. (in Russ.)
- Самсонов В. В.** Трансформации сельского социума и кризис трудового этоса крестьянства // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 4. С. 101–107.
- Samsonov V. V.** Transformatsii sel'skogo sotsiuma i krizis trudovogo etosa krest'yanstva [The transformation of rural society and the crisis of the labor ethos of the peasantry]. *Vestnik NSU. Series: Philosophy*, 2013, vol. 11, no. 4, p. 101–107. (in Russ.)
- Holloway L., Kneafsey M.** Possible Food Economies: A Methodological Framework for Exploring Food Production-Consumption Relationships. *European Society for Rural Sociology*, 2007, no. 1 (47), p. 1–18.
- Losch B., White E.** Rural Transformation and Late Developing Countries in a Globalizing World: A Comparative Analysis of Rural Change. Washington, World Bank, 2011, 308 p.
- Mintz S. W.** A note on the definition of peasantries. *Journal of Peasant Studies*, 1974, no. 3, p. 86–102.
- Mormont M.** Who is rural? or, how to be rural: towards a sociology of the rural. In: Rural Restructuring. Global processes and their responses. London, David Fulton Publ., 1990, p. 21–44.
- Ploeg J. D., Renting H., Brunori G.** Rural Development: from Practices and Policies towards Theory. *Sociologia Ruralis*, 2000, no. 4 (40), p. 391–408.

- Redfield R.** The Folk Culture of Yucatan. Chicago, Uni. of Chicago Press, 1941, 212 p.
- Wirth L.** Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology*, 1938, vol. 44, p. 8–20.
- Wolf E. R.** Peasants. New Jersey, Prentice-Hall, 1966, 272 p.
- Woods M.** Rural. London, Routledge, 2010, 352 p.

Материал поступил в редколлегию

Received

15.06.2019

Сведения об авторе / Information about the Author

Самсонов Всеволод Владимирович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Vsevolod V. Samsonov, Senior Researcher, PhD (Philosophy), Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

highbook@yandex.ru